

Star apple

Стихи, свободные
от предрассудков

порода ранимых

ада лимон

Москва
2024

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Coe)-5
Л58

Copyright © Ada Limón, 2022

This edition published by arrangement with Massie
& McQuilkin Literary Agents and Synopsis Literary Agency

Лимон, Ада.

Л58 Порода ранимых / Ада Лимон ; [перевод с английского
С. А. Мартыновой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 128 с.

ISBN 978-5-04-187294-6

Ада Лимон — американская поэтесса, обладательница между-
народных стипендий Гуггенхайма, Макартура и Women of the Year.

Поэтическое мировоззрение Ады Лимон отличается не только
склонность к утонченным формам, но и глубокая чувственность,
позволяющая раскрыть неожиданные стороны окружающего мира.

Наряду с великими предшественниками — Иосифом Бродским,
Робертом Фростом, Луизой Глик — удостоена статуса поэта — лауреата
Библиотеки конгресса США (2023).

«Порода ранимых» зовет читателя в путешествие сквозь путаницу
переживаний и душевной боли. Эти стихи — шрамы и следы, приот-
крывающие завесу прошлого и помогающие справиться с будущим.

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Coe)-5

© Шаши Мартынова, перевод на русский
язык, предисловие, 2024
© Максим Немцов, редаKTypa, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-187294-6

Содержание

Предисловие к российскому изданию сборника «Порода ранимых» . . . 7

1. ВЕСНА

Вот такое бы мне	21
Речка Утопление	22
Клянись на этом.	23
Обитель	24
Инвазия	25
Добрая история	27
В тени.	29
Форсиция	30
И ліса тоже	31
Чудней чудного в зарослях	32
Проблеск	33
Первый урок	34
Предвкушение	36
Время выжеребки	37
Не самое печальное на свете	40
Бухта Стиллуотер	42

2. ЛЕТО

Все начинается с деревьев	47
Изгнанные чудеса	49
Где круги пересекаются	52
Раз уж на то пошло	54
Великолепный фрегат	55
Дуть на руль	57
Банка со скорпионами	59
Первая рыба	61
Совместная опека	63
Об очерке горизонта и дегте.	64
Сайрас и змеи	65

Лишь бледнейший синий	67
Звать вещи их именами	69
«Я хочу ясности в свете отсутствия света»	70
Открытые воды	72
Тернии	73
Горная львица	74

3. ОСЕНЬ

Уединенность	77
В это время года я по ошибке нередко	78
Как мы видим друг друга	79
Спорт	81
Доказательство	83
Сердце в огне	84
Силовые линии	86
Прогул	88
Усы моего отца	90
Ребенок-беглец	91
Инструментовка	94
Если я оплошаю	95
Сокровенность	96

4. ЗИМА

Любовь моя	99
Порода ранимых	101
Против ностальгии	110
Прощение	111
Жар	113
Послушание	115
Неизреченное	116
Поврежденное	117
Что передается	118
Слишком близко	119
Конец поэзии	121
Примечания и благодарности	122

*Предисловие
к российскому изданию сборника
«Порода ранимых»*

АДА ЛИМОН И ЕЕ САДЫ ВНИМАНИЯ

«Для меня поэзия — язык таинства, она существует в промежуточных пространствах, между мирами бодрствования и сна, в местах, где предельная ясность превращается в сюрреалистическую и неоспоримую истину. Свободнее всего я чувствую себя, когда сочиняю стихи, когда не устремляюсь ни к какой конечной цели, а раскрываю неведомость собственного моего человеческого опыта, когда прислушиваюсь к внутренним и внешним мирам».

— *Ада Лимон, сайт Фонда Макарттура*

Ада Лимон (р. 1976) — один из самых значительных голо-сов в современной американской поэзии, 24-й поэт-лауреат США. Она стала первой латиной, удостоенной Библиотекарем Конгресса США этого звания. Ее стихи, исполненные ярких образов, эмоциональной непосредственности и глубокого, живого интереса к тому, что составляет природу человеческого единства, заслужили внимание к этой поэтессе не только в США, но и за пределами англоязычного читательского круга. Поэзию Лимон читают на итальянском, французском и, разумеется, испанском. Поэтесса осмысляет

многообразии житейского человеческого опыта и самоопределения, а также предлагает насыщенный и нежный взгляд на природу со всей ее магией и силой. Сборник, который вы держите в руках, у Ады Лимон шестой по счету — и первый на русском языке.

Лимон выросла в Сономе, Калифорния, и многие ее стихи пронизаны любовью к сономским пейзажам. Аде посчастливилось провести детство на природе, в большой свободе и беззаботности, и поэзия начала зарождаться в ней с юных лет. Мать Лимон держит ранчо, и лошади в поэзии Ады занимают особое место. Отец Ады — из семьи мексиканских иммигрантов, и хотя сама Лимон не стремится определять себя как мексикано-американскую поэтессу, мексиканская культура, история и мировосприятие неизменно вдохновляют ее тексты.

Вот как говорит Ада о поэзии (из интервью Эзре Кляйн, «Нью-Йорк Таймс», май 2022 года):

«Поэзия в структуре своей наделена дыханием — благодаря дроблению на строки и строфы, благодаря цезурам. Любая часть ее просодии на самом деле говорит вам как читателю или слушателю, когда сделать паузу, когда остановиться. Это и есть дыхание. И я продолжаю считать, что всем нам, кто все время рвется вперед, кто спешит, кто многого требует от мира, важно помнить о дыхании. У Мэри Оливер есть строка: “Вы дышите самую малость и называете это жизнью?” И я часто думаю о том, много ли нам надо? И до чего многое сводится к дыханию. И столько всего сводится к тому, чтобы сесть и осознать, что нас постоянно толкает вперед, будто ветер дует нам в спину, и тащит нас, и толкает все дальше и дальше, и ни мига не остается на то, чтобы осознать, где мы находимся».

Вниманием критики и профессиональных читателей поэзии в США Лимон не была обойдена никогда, что случай для поэзии довольно редкий, хотя в США инфраструктура литературного награждения развита очень хорошо. Уже первая книга ее стихов «Счастливое крушение» («Lucky Wreck») удостоилась в 2005 году поэтической премии издательства «Осенний дом», где и была издана, что, конечно, мило само по себе, но едва ли что-то значит. Зато вторая — «Этот большой фальшивый мир» («This Big Fake World») через год уже получила вполне авторитетную премию литературного журнала «Жемчужина» («Pearl», 1974–2014), издававшегося в Лонг-Биче, Калифорния: этот журнал — один из немногих наследников американского литературного самиздата XX века, там среди многих печатались, например, такие разные поэты, как совершенно независимый «анфан-террибль» американской литературы Чарлз Буковски и поэт-лауреат США Билли Коллинз.

Сама Лимон об этом своем успехе говорила так:

«То у меня вообще не было своих поэтических книг, а тут вдруг за год вышло сразу две. Было такое чувство, будто я выиграла лотерею — только без денег. Все у меня в жизни не как у людей. Либо я на дне колодца, либо до воды и не добраться».

Третью книгу ее — «Акулы в реках» («Sharks in the Rivers», 2010) — критики тоже отметили: «В отличие от большинства современных поэтов, работы Лимон — не подражательны и это не деконструктивизм. Проповеди ее несут на себе ее личную печать — подлинность изобретательности и постижения себя». Видимо, эта смесь и оказалась тем рецептом привлекательности и для академических исследователей поэзии, и для широкого читателя.

Известность у широкой публики, читающей поэзию, Ада Лимон обрела своей четвертой книгой стихов «Золотая мертвёжь» («Bright Dead Things», 2015). В этом сборнике явственно слышен выразительный и узнаваемый голос поэтессы, достаточно пластичный и мощный, чтобы говорить и о взрослении, и о неизменной непредвзятости и открытости природы, и о свидетельствовании смерти близкого человека. Текучесть и ритмичность поэтической речи Лимон не мешает читателю чувствовать, что с ним разговаривают непосредственно, сокровенно и предельно искренне, в манере одновременно и неформальной, и предельно точной. Этот сборник попал в финал и Национальной поэтической премии, и Премии Национального круга книжных критиков.

Сборник «Вынашивание» («The Carrying», 2018) Премию Национального круга книжных критиков получил. В нем центральной темой стало зачатие ребенка и беременность, и поэтесса явила во всей полноте пластику своего лирического высказывания, способного точно описать и едва уловимое чувство, и сильное драматическое озарение.

В сборнике «Порода ранимых» («The Hurting Kind», 2022) Лимон приглашает читателей вновь разделить с ней мгновенья жизненных откровений, предъявленных в автобиографическом контексте. Поэтесса являет нам себя как силу внимания, способную видеть и ждать. Соседский кот, ворующий помидоры, сурчиха, горный лев, пойманный на камеру, ее мать при лошадях, мертвые птицы, каких предстоит хоронить и одарять свидетельствованием, сам акт жизни, неизбежно и обязательно предполагающий свидетельствование, — Ада Лимон видит все это и заморожена чудом ежедневности.

В отличие от предыдущих ее сборников этот ощутимо менее камерный, он открыто приглашает нас пережить обще-

человеческое единство опыта, нашу связность друг с другом, с нашими предшественниками на этой планете и с другими природными явлениями и событиями — растениями, животными, птицами, далекими звездами. И пусть поэтесса по-прежнему ясно и честно смотрит на утраты и смертность всего, что живо, первое же стихотворение в книге дарит читателю ноту радости:

...почему не дозволено мне
насладиться?

«Порода ранимых» состоит из четырех частей, соответствующих четырем временам года, и тем самым приглашает нас в живое пространство, и подчиненное природным циклам, и развивающееся в трехмерности незримого человеческого — в поступательном самопостижении.

«Весна» — череда песен невинности: большинство текстов в этом разделе заряжены юношеской зачарованностью миром и разворачиваются в настоящем, как воспринимают окружающее дети.

«Летние» стихи уже напитаны зрелостью, ретроспекцией, уходят от невинности. В этих текстах возникают пугающие соприкосновения со змеями и агрессивными бывшими возлюбленными.

К «Осени» поэтесса-рассказчица делается настороженной, в ее голосе слышна уязвленность, едва ли не цинизм. Переживая утраты и расставания, она входит в последнее время года, где предстоит осознавать смерть, конец любви, искупление, покаяние, разочарование и прозрения, открытые лишь честному взгляду в прошлое.

Тексты этого сборника стремятся выйти за пределы личных озарений, предлагают нам взглянуть на природу вне эгоцентрической и даже антропоцентрической оптики:

...Отчего

не могу я просто любить цветок за то, что он цветок?

Пристально разглядывая собственную потребность одомашнивать и антропоморфизировать природу через поименование, Лимон стремится не только расширить смысловой охват своих стихов, но и сместить траекторию их внутреннего развития. В стихотворении «Речка Утопление» точка восприятия с кинематографической гладкостью смещается с панорамного обзора к крупному плану зимородка и обратно к панораме.

Попытка Лимон любить этот мир щедрее, направляя на него все более пристальное и точное внимание, свободное от ожиданий, требований или прикрас, создает тексты совершенно нового для нее уровня поэтической светимости. Стихотворение «Уединенность» можно было бы считать шедевром, если б само оно столь полно не отрицало само понятие шедевров. В стихотворении «Первый урок» Лимон вспоминает, как наблюдала за матерью, когда та рассматривала крыло ястреба, найденное на обочине дороги:

...Я смотрела
и училась смотреть
на мир пристально.

Ту же пристальность она посвящает и лютику, и форсайтии, и жеребяткам, и лису — и своим друзьям, спутникам жизни, дорогим людям.

Лимон, разумеется, — не первый поэтический ум, попытавшийся раздвинуть границы лирики, но речь тут не только о выходе за пределы эго: поэтесса в этом сборнике работает с самой природой осознанного внимания и с равновесием человеческого свидетельствования и его природного окружения. Вместо того, чтобы «усматривать у цветков лица»,

Лимон желает вообразить «любовь менее ленивого толка». («В тени»). В «Великолепном фрегате» поэтесса вообще целиком отказывается от права наименовать.

Я таких никогда не видала.

Размах крыльев в восемь футов, исполины в своем скольжении
уверенном, черные,
шея красная, словно рана или потайное сокровище. Или и то,
и другое.

Поискав, я узнала, что это Великолепный Фрегат.

Однако несколькими строками ниже: «...я задумалась, именуют ли они друг друга», тем самым наделяя фрегата, как и ворон в «Уединенности», определенной автономностью от высокомерной человеческой склонности навязывать миру имена.

В разделе «Зима», последнем в сборнике, Лимон противится заезженному тропу циклического умирания. В стихотворении «Любовь моя» достаточно и слова: «...я верю, что мир возвратится. / Возвратится как слово, давно забытое и оклеветанное». Однако этот раздел посвящен преимущественно другим людям как источнику и подтверждению глубокой привязанности. «Против ностальгии», «Прощение» и «Жар» составляют цикл сердечных и нежных любовных стихотворений-подношений живому человеку. Ее созерцательное шестичастное стихотворение «Порода ранимых» адресовано предкам Лимон, особенно ее бабушке и дедушке. В заключении этого текста она отмечает сентиментальность самоиронией:

Я вижу дерево над могилой и думаю: До чего же
тонка у меня кора. Кора у меня тонка.
Любовь кончается. А если нет?